

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

на диссертацию Переваловой Елены Валерьевны

«Обские угры и ненцы Западной Сибири: этничность и власть»,
представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук
по специальности 07.00.07 – этнография, этнология и антропология

Проблемы межэтнических, межрелигиозных и в целом межкультурных отношений как в России, так и во всем мире были и остаются одними из самых актуальных. Их значимость особо повысилась в последние десятилетия в результате набирающего силу так называемого «этнического ренессанса», охватившего многие страны. Для успешного и оптимального решения этих проблем, формирования и поддержания толерантного взаимодействия народов, обладающих разной культурой, огромное значение имеет изучение исторического опыта в разных хронологических и территориальных рамках. Особого внимания заслуживает сибирский вариант российского проекта конструирования и сохранения полиэтничного государства, поскольку, как известно, коренные народы Сибири уверенно демонстрируют свое устойчивое положение в составе России и свою способность адаптироваться к неоднократно меняющимся политическим, социальным, экономическим и культурным условиям. Это обусловлено многими факторами, и в немалой степени выработанной на протяжении веков практикой взаимодействия российской государственной власти («метрополии») и властных элит сибирских народов. Такая практика меняла свои формы и содержание во времени (в основном вследствие социально-политических пертурбаций) и варьировалась, порой значительно, применительно к разным народам и территориям, но при этом способствовала и способствует обеспечению стабильного существования полиэтничного и мультирелигиозного сибирского социума и отсутствию сколько-нибудь масштабных, активных и ярко выраженных национально-сепаратистских движений. Как отмечают многие исследователи, уникальный и в целом позитивный опыт Российского государства по управлению поликонфессиональным и поликультурным пространством имеет всемирно-историческое значение и заслуживает внимательного изучения.

В связи с вышесказанным избранная Е. В. Переваловой тема диссертационного исследования и его проблематика представляются, несомненно, актуальными как в научно-теоретическом, так и в конкретном историко-этнологическом ракурсах. Науч-

ная новизна диссертационного исследования, вполне осознаваемая и четко сформулированная автором, заключается в масштабности охвата поднятых проблем, в творческом применении теоретико-методологических подходов их изучения. Впервые в историко-этнографическом сибиреведении на качественном научном уровне с привлечением богатого конкретно-фактического, прежде всего этнографического, материала в широком временном диапазоне и исторической динамике проанализирована и концептуально осмыслена роль этничности и этнических властных элит как важных факторов политической мобилизации этнических сообществ в условиях их взаимодействия с государственными институтами, раскрыты устойчивые и изменчивые механизмы воспроизводства политических и социальных явлений и процессов, имеющих этническую специфику, выявлены разные сценарии и модели формирования и функционирования этнических элит, а также межэтнических диалогов.

В диссертации четко и конкретно формулируются цель и задачи исследования, а также положения, выносимые на защиту. В соответствии с ними верно определяются объект и предмет исследования, обосновываются хронологические и территориальные рамки, обозначаются основные теоретико-методологические подходы и формулируются исследовательские методы. Автор, демонстрируя знание всех принципиально важных для ее исследования теоретико-методологических концепций, совершенно верно, на наш взгляд, выбрал синтез конструктивистского и примордиалистского подходов к пониманию и изучению феномена этничности. Задействуя методы изучения этничности, элит и власти, применяемые в разных научных дисциплинах – этнологии, этнополитологии, политологии, политической антропологии, истории, Е. В. Перевалова придала своему исследованию мультидисциплинарный характер, что весьма позитивно сказалось на структурировании и анализе эмпирического материала.

Обстоятельный историографический обзор, приведенный в диссертации, свидетельствует о серьезной аналитической проработке соискательницей основной научной литературы по теме исследования, об осмыслении ею наблюдений и выводов, сделанных предшественниками – историками и этнографами.

Самое благоприятное впечатление производит обширная, разнообразная и репрезентативная источниковая база. Большим достоинством диссертации является введение в научный оборот новых неопубликованных документов из центральных, уральских и сибирских архивохранилищ, значительного массива полевых этнографи-

ческих материалов, собранных автором в ходе многократных исследовательских экспедиций, а также широкого круга фольклорных и визуальных источников.

Диссертация логически структурирована в соответствии с теми задачами, которые формулирует и стремится достичь автор. Это обеспечивает комплексный анализ и обстоятельное раскрытие темы. Каждый раздел-параграф, посвященный рассмотрению и анализу конкретной проблемы, завершается выводами, что придает дополнительную стройность изложению, дает возможность видеть последовательное разворачивание результатов исследования, становление и развитие авторской концепции, основные положения которой сформулированы в Заключение. Библиографический аппарат в диссертации соответствует требованиям ГОСТ.

Претензии, которые можно предъявить к диссертации Е. В. Переваловой как квалификационному исследованию, заключаются в следующем:

1. В названии диссертации отсутствует обязательный в нем элемент – хронология. Территориальные рамки, обозначенные в названии – «Западная Сибирь», не вполне коррелируются с теми территориальными рамками, которые фигурируют во Введении: «Урало-Западносибирский регион», «Северный Урал и Северо-Западная Сибирь».

2. Некорректно сформулирована цель исследования: «цель состоит в изучении...». Изучение чего-то не может быть целью исследования, целью является достижение какого-то результата (например, выявление моделей и сценариев взаимодействия этнических сообществ и власти).

3. Не вполне четко определены дефиниции, составляющие основополагающую триаду исследования: «этничность – элита – власть». Автор во Введении не дала развернутое объяснение, о какой элите и какой власти пойдет речь: об «автохтонной» или о «русской / российской», или о той и другой. Определение элиты вообще отсутствует в диссертации. В результате становится непонятно, на основании каких критериев те или иные «предводители» и «лидеры» автохтонных сообществ причислены к элите, а также какие конкретно категории представителей русской / российской государственной власти рассматриваются как элита и почему.

4. В историографическом обзоре Е. В. Перевалова акцентирует внимание преимущественно на том, как в целом изучалась история и этнография угров и ненцев. Но далеко не всегда автору удается показать вклад предшественников в изучение той проблемы, которая является центральной для исследования, а именно проблемы со-

отношения этничности и власти (речь об этом заходит лишь применительно к постсоветской истории). Видимо, по этой причине в данном разделе отсутствует обобщающий вывод, в котором четко и емко было бы обозначено, какие аспекты темы изучены, а какие – нет.

5. Вызывают недоумение названия ряда разделов, например: «"Кудесник" Пам и исход за Камень», «Взлет и падение Коды», «"Большое дело" обдорских князей», «Закат княжеской эпохи», «Шестидесятники», «Законодательный рывок». Такие названия были бы вполне уместны в научно-популярной книге, но вряд ли они подходят для научно-квалификационного исследования, в котором формулировки разделов должны содержать не литературно-художественные образы, а научные дефиниции, раскрывающие суть исследуемой проблемы.

6. Весьма неудачным представляется отсутствие выводов по главам, которые в концентрированном виде синтезировали бы выводы, имеющиеся в каждом разделе-параграфе главы. Это позволило бы лучше осмыслить и понять взаимосвязи тех событий и явлений, которые рассматриваются и анализируются в отдельных параграфах.

7. В тексте диссертации, хотя и редко, встречаются грамматические и фактические ошибки. Так, в частности, труд С. В. Бахрушина «Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв.» впервые был опубликован в 1935 г., а не в 1955 г., как считает Е. В. Первалова. К тому же в тексте диссертации он фигурирует под названием «Остяко-вогульские княжества в XVI–XVII вв.».

Помимо претензий квалификационного характера можно высказать и ряд содержательных замечаний к ряду принципиальных наблюдений и выводов автора. Эти замечания формулируются нами в плане как критики, так и дискуссии.

Излишне категорично звучит одна из генеральных идей о том, что «контакты между элитами предшествуют контактам между народами и собственно межэтническим отношениям предшествует период межэлитарных отношений». Это утверждение автор в первую очередь относит к русско-аборигенным отношениям (С. 51, 92, 97, 423). Однако для того, чтобы делать такой вывод, следовало бы показать и доказать,

во-первых, что руководители первых новгородских и московских походов в Приуралье и Зауралье, священники, осуществлявшие христианизацию в северном Приуралье, а также первые сибирские воеводы относились к русской элите, а не явля-

лись одними из многих представителей новгородского и московского военно-управленческого и церковного аппарата;

во-вторых, что в первые века проникновения русских на Урал и в Сибирь осуществлялись исключительно «межэлитарные отношения», что не было *никаких* контактов между неэлитарными новгородскими торговцами и охотниками, с одной стороны, и рядовыми хантами, манси и ненцами – с другой;

в-третьих, что межэлитарные отношения в контексте русско-аборигенных контактов *нельзя считать* межэтническими (хотя в исторической реальности отношения между элитами разных народов (этносов) неизбежно являются межэтническими).

Хотелось бы также понять, что значит «период межэлитарных отношений», какой временной диапазон он охватывает?

Выделяя в хронологических рамках конца XVI – XVII вв. несколько сценариев взаимодействия русской «метрополии» и аборигенных сообществ, автор, однако, отказывается от классификации и типологии этого взаимодействия применительно к последующим периодам – имперскому, советскому и постсоветскому. При этом она никак не мотивирует такой подход. Кроме того, не вполне раскрытым остался вопрос: почему аборигенные элиты разных этнотерриториальных групп выбрали разные сценарии своего поведения в отношении русской власти, в какой степени их выбор определялся «этничностью» (этнокультурными паттернами), а в какой – реакцией на политику государства и его агентов на местах? В связи с этим заметим, что поведение элит во многом моделировалось тем форматом, который предлагала «метрополия». И отмечаемое автором стремление элит сохранить свой статус и повысить престиж (в том числе путем поездок в Москву, получения жалованных грамот и установления личной связи с российским монархом) задавалось, уже в XVII в., теми «правилами игры», которые устанавливала «метрополия» и которые соответствовали политической культуре Русского православного царства.

Обратим также внимание на следующее явно ошибочное утверждение автора: «Взаимоотношение между метрополией и туземной политической элитой оформлялось и регулировалось царскими жалованными грамотами, подтверждавшими достоинство местных князцов и дававшими право управления своими улусами (вотчинами) и ясачными людьми» (С. 95, 112, 426). На деле в сибирских реалиях конца XVI – XVIII вв. эти взаимоотношения оформлялись и регулировались не только и даже не столько жалованными грамотами, сколько разного рода нормативными документами,

исходившими из столиц (прежде всего наказами воеводам в конце XVI – XVII вв. и инструкциями губернаторам и воеводам в XVIII в.), а также шертями-присягами, которые фиксировали обязанности элит и рядовых «туземцев» перед российским монархом. Иначе говоря, во взаимоотношениях русской власти и элит сибирских народов акцент следует делать не на предоставлении прав, а на возложении обязанностей.

Односторонним представляется и констатация причин, по которым угорские и ненецкие элиты не смогли оказать организованное сопротивление появлению русских. Автор акцентирует внимание лишь на тактике русской стороны: «значимой для утверждения новой власти была политика подчинения местных элит, включавшая методы устрашения, физического уничтожения, разделения, привлечения в союзники... Даже оказавшись в сети русских острогов и осознав реальность угрозы политического подчинения, туземная элита ни разу не ответила на вторжение сплоченным выступлением – тактика “разделяй и властвуй” и на этот раз действовала безотказно» (С. 97; см. также С. 128, 425). Однако приводимые в диссертации факты существовавшего как до появления русских, так и после их появления соперничества между разными этнотерриториальными группами, доходившего до вооруженных столкновений, позволяют утверждать, что дело было не столько в русской тактике, сколько в поведении самой аборигенной элиты, которая разделялась, враждовала и тем самым облегчала собственное подчинение. Русская власть просто воспользовалась существовавшей ситуацией.

Следует также заметить, что Е. В. Перевалова не объяснила, хотя бы кратко (с отсылкой к существующим многочисленным исследованиям), причины изменения подходов русской власти к стратегии и тактике христианизации сибирских народов. Сомнительным представляется и вывод о том, что «первыми крестились представители местной элиты, а за ними следовали (иногда не без протестов) остальные соплеменники» (С. 164). Чтобы этот вывод звучал как безусловно верный, следовало не только привести факты крещения отдельных представителей элит, но и доказать, что они крестились быстрее своих «соплеменников».

Еще одно критическое замечание касается «ордынского» влияния на политику Российского государства в Сибири. Автор, как и многие современные исследователи, будучи в плену идеологом и мифологом евразийства, полагает, что «Москва была в значительной мере наследницей Орды в организации власти и управления» (С. 85–86), что она восприняла «ордынскую модель взаимодействия и последующего прав-

ления» (С. 94). Однако, если бы автор внимательно ознакомилась с сущностными, основополагающими мотивами и элементами русской политики в Сибири (равно как и в других нерусских регионах), а также с фундаментальными исследованиями, посвященными русской политической культуре XVI–XVII вв., то увидела бы, что так называемое «ордынское влияние» носило поверхностный, формальный характер. Русская власть заимствовала от тюрко-монголов определенную лексику, облегчавшую межкультурную коммуникацию, но, осуществляя подчинение сибирских (и в целом восточных) народов, руководствовалась собственными, христианско-православными, представлениями о мироустройстве и применяла преимущественно собственные технологии властвования, которые во многом предопределялись патримониальным («вотчинным») характером Русского / Российского государства.

Отмеченные недочеты, спорные суждения и отдельные ошибки, порожденные в основном масштабностью, сложностью и новизной темы исследования, а также спецификой источниковой базы, не влияют, однако, на ценность оппонируемой диссертации. Ее высокая научная значимость для изучения этнической и этнополитической истории Сибири несомненна и заключается в следующем:

1. Впервые в историографии на примере ряда сибирских народов (хантов, манси и ненцев) в широком хронологическом диапазоне (с конца XVI в. и до начала XXI в.) описаны, проанализированы и охарактеризованы соотношение этничности и власти, разные формы и технологии диалога российской государственной власти и этнотерриториальных сообществ с акцентом на стратегии и практике этнических элит, стремящихся к удержанию своих властных позиций. Диссертантке удалось вполне убедительно показать и доказать, что при всем огромном влиянии разнообразных новаций, привнесенных русскими и Российским государством, паттерны политической культуры изучаемых народов в значительной степени сохранили свою этничность, которая гибко и в целом успешно адаптировалась к новым реалиям; что именно этнические лидеры – во многом благодаря управленческим технологиям государства – всегда выступали и выступают ведущими генераторами и конструкторами этнической идентичности, главными акторами и модераторами (со стороны этнических сообществ) межэтнических и этнополитических отношений; что основополагающие, базовые принципы взаимодействия «метрополии» и угро-самодийской этнической «периферии» оставались неизменными, несмотря на все политические пертурбации, трансформации и модернизации.

2. Расширяются и совершенствуются знания о механизмах, формах и сценариях межэтнической коммуникации. Особо отметим значительный вклад диссертации в понимание, с одной стороны, технологий транслирования в коллективное сознание этнических сообществ ключевых элементов государственной политической и правовой культуры, а с другой – способов и вариантов адаптации этих элементов этническими культурами и прежде всего – этническими элитами. Раскрытие этого аспекта оказалось возможным благодаря обстоятельному анализу мифологии, сакральных символов и обрядовых практик, интегрировавших компоненты как государственной идеологии, так и этнических ментальных систем народов севера Западной Сибири.

3. Как крупное научное достижение можно оценить выявление автором различных адаптивно-деятельностных моделей этничности – «угорскую» и «самодийскую» и, соответственно, различных типов взаимодействия этничности и власти в рассматриваемый хронологический период, а также факторов, обуславливающих лидерство у угров и самодийцев в рамках разных политических режимов.

4. Используемые в ходе диссертационного исследования методические приемы обработки и анализа эмпирического материала, а также сделанные на основе этого наблюдения и выводы закладывают хорошую базу для изучения мотивационно-деятельностных схем этнических элит в разнообразных территориально-хронологических форматах.

Все сказанное выше позволяет констатировать, что оппонируемая диссертация, несмотря на предъявленные к ней критические замечания (а некоторые из них имеют дискуссионный характер), носит несомненно новаторский характер, является самостоятельным законченным оригинальным исследованием, открывшим интересную и важную страницу этнической истории одного из сибирских регионов. Главные положения и выводы диссертации, основанные на широком комплексе разнообразных источников и мультидисциплинарных методах исследования, убедительно аргументированы, поставленные во Введении задачи успешно решены, а цель исследования – достигнута.

Автореферат дает полное представление о структуре и содержании диссертации. Основные результаты диссертационного исследования изложены в научных публикациях автора, имеющих качественный уровень подачи материала (в том числе 15 статей – в рецензируемых изданиях), а также прошли апробацию на международных, всероссийских и региональных научных форумах.

Результаты работы, проделанной Е. В. Переваловой, весьма значимы в научно-практическом отношении. В диссертации решена научная проблема, имеющая принципиально важное значение для понимания этнокультурных параметров и алгоритмов поведения коренных этносов севера Западной Сибири, прежде всего элит, в ситуации их взаимодействия с государственными институтами власти. Это дает основание рекомендовать результаты исследования региональным органам власти и управления, политическим и национальным общественным организациям, а также образовательным учреждениям Уральского федерального округа для совершенствования их деятельности в сфере регулирования межэтнических отношений, подготовки и переподготовки кадров, реализующих государственную национальную политику Российской Федерации.

Диссертация Елены Валерьевны Переваловой «Обские угры и ненцы Западной Сибири: этничность и власть» полностью соответствует требованиям п. 9 «Положения о порядке присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора наук, а ее автор заслуживает присуждения искомой ученой степени.

Доктор исторических наук,
профессор, заведующий
кафедрой отечественной истории,
директор Гуманитарного института
ФГАОУ ВО «Новосибирский
национальный исследовательский
государственный университет»

 Зуев Андрей Сергеевич

630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1.
<http://www.nsu.ru>
8 (383) 363-40-00
rector@nsu.ru

«8» ноября 2017 г.

